

От редакции: Ниже публикуется статья Михаила Наумовича Эпштейна, над идеями которой он работал продолжительное время, а также материалы обсуждения этой статьи.

От анализа к синтезу. О призвании философии в XXI веке

© 2019 г. М.Н. Эпштейн

университет Эмори, GA30322, Atlanta, 201 Dowman Dr, США.

E-mail: russmne@emory.edu

Поступила 27.06.2018

Статья служит обоснованию философии синтеза, которая создается на основе анализа, но придает ему конструктивную направленность. Поворотный пункт от анализа к синтезу — проблематизация элементов, вычленяемых в анализе, их критика, замена или перестановка, приводящая к построению альтернативных понятий и суждений, которые расширяют область мыслимого и обновляют категориальный аппарат философии. Приводятся примеры синтеза на разных уровнях: альтернативных терминов и концептов («инфиниция»), постулатов («алмазное правило» в этике) и дисциплин («хорология» как наука о саморазрушительных механизмах цивилизации). Далее рассматривается переход философии синтеза в синтез самой философии с современными научно-техническими практиками. Техника XXI века — это уже не орудийно-прикладная, а *фундаментальная* техника («онтотехника»), которая благодаря углублению науки в микромир и макромир может менять начальные параметры бытия, тем самым приобретая философское измерение. Соответственно философия как учение о наиболее общих принципах мироздания оказывается практически востребованной в любых «мирообразующих», синтезирующих актах техники, включая конструкцию компьютерных игр и многонаселенных виртуальных миров (напр., «Вторая жизнь»), где возникает особая онтология, логика, этика, аксиология. Призвание философии в XXI в. — не просто осмыслить наш единственный мир, но закладывать основы для новых мирообразующих практик, инициировать и проектировать онтологию возможных миров, прокладывать пути альтернативным формам искусственной жизни и разума. Вопреки Гегелю, философия — уже не «сова Минервы», вылетающая в сумерках, а жаворонок, провозглашающий начало нового творческого дня.

Ключевые слова: аналитическая философия, философия синтеза, проблематизация, наука и техника, виртуальные миры, онтология, этика, язык, трансформация, философские практики, метафизические проблемы техники, новые дисциплины.

DOI: 10.31857/S004287440005725-2

Цитирование: *Эпштейн М.Н.* От анализа к синтезу. О призвании философии в XXI веке // Вопросы философии. 2019. № 7. С. 52–63.

From Analysis to Synthesis: on the Vocation of Philosophy in the XXIst Century

© 2019 г. Mikhail N. Epstein

Emory University, 201 Dowman Dr, Atlanta, GA30322, USA.

E-mail: russmne@emory.edu

Received 27.07.2018

The article aims to substantiate the philosophy of synthesis, which is built on the basis of analysis, but gives it a constructive direction. The turning point from analysis to synthesis is the problematization of the elements identified in the analysis, their criticism, replacement, or rearrangement, leading to the construction of alternative concepts and propositions that expand the field of the thinkable and innovate the categorical apparatus of philosophy. The article provides examples of philosophical synthesis at different levels: alternative terms and concepts (“infinition”), postulates (the “diamond rule” in ethics), and disciplines (“horrology” as the study of the self-destructive mechanisms of civilization). Next, we consider the transition from the philosophy of synthesis to the synthesis of philosophy itself with contemporary scientific and technical practices. Technology of the 21st century is no longer instrumental/utilitarian, but a *fundamental* technology (“onto-technology”), which, thanks to science’s penetration into the micro- and macrocosm, can change the foundational parameters of being, thereby acquiring a philosophical dimension. Accordingly, philosophy as a study of the most general principles of the universe becomes a practical requirement in any “world-forming,” synthesizing acts of technology, including the design of computer games and multi-populated virtual worlds (e.g., “Second Life”), that involve a new ontology, logic, ethics, and axiology. The vocation of philosophy in the 21st century is not just to comprehend our unique world, but to lay the foundations for new world-forming practices, to initiate and design the ontology of possible worlds, and to pave the way for alternative forms of synthetic life and artificial intelligence. Contrary to Hegel, philosophy is no longer the “owl of Minerva” taking flight at dusk, but a skylark proclaiming the dawn of a new creative day.

Key words: Analytic philosophy, philosophy of synthesis, science and technology, virtual worlds, ontology, ethics, metaphysical problems of technology, new disciplines.

DOI: 10.31857/S004287440005725-2

Citation: Epstein, Mikhail N. (2019) ‘From Analysis to Synthesis: on the Vocation of Philosophy in the XXIst Century’, *Voprosy Filosofii*, Vol. 7 (2019), pp. 52–63.

Что такое философия синтеза?

В современной философии, особенно англо-американской, преобладает, как известно, аналитический подход. Анализу подвергается логическая структура языка, понятий, суждений. Основоположник аналитической философии XX в. Бертран Рассел определял аналитизм как «...логический атомизм, т.е. взгляд, по которому в теории, если не в практике, вы можете добраться до предельно простых элементов [ultimate simples], из которых построен мир...» [Russell 2010, 111]. Мне ближе менее известный и редко применяемый подход – философский синтез¹. Анализ и синтез –

соотносительные процедуры. Одностороннее развитие анализа за счет синтеза мне представляется огромной потерей для философии, которая тем самым лишается своего творческого, конструктивного начала. Эта статья – попытка охарактеризовать одно из важнейших направлений XXI в., *философию синтеза*, и ее потенциальное взаимодействие с новейшими научно-техническими практиками.

Еще Александр Афродисийский, авторитетный комментатор «Аналитик» Аристотеля, косвенно предусматривал возможность и труда под названием «Синтетика», когда писал, что анализ обратен синтезу. Синтез – это путь от начал к тем вещам, которые вытекают из начал, а анализ – это возвращение от конца к началам. При этом, как дальше поясняет Александр Афродисийский, составное делится на части, слово – на части слова, а последние на слог; сложные силлогизмы – на их составляющие части. Иными словами, синтез – это постулатальный вектор в бытии вещей, их итог и цель, а анализ – возврат к первичным элементам, из которых слагаются вещи. Бертран Рассел также предполагал, что анализ должен завершаться синтезом: «Дело философии, как я его понимаю, это, в сущности, логический анализ, за которым следует логический синтез» [Russell 2010, 147]. Но аналитическая философия, как правило, до синтеза не доходит, останавливаясь на стадии расчленения целого и пренебрегая его воссозданием из частей. Анализ делит суждения на субъекты и предикаты, силлогизмы – на посылки и выводы, предложения – на слова и далее на морфемы, – и рассматривает первичные единицы, логические атомы этих построений. На мой взгляд, это важный, но предварительный этап философской работы, которая затем должна переходить к синтезу новых понятий и суждений, отсутствующих в исходных первоэлементах и образуемых лишь новым их сочетанием.

Порою синтез понимается только как обратная процедура по отношению к анализу: развинтив понятие или суждение на части, мы затем свинчиваем из них то же самое исходное понятие, чтобы продемонстрировать верность анализа. Но это крайне ограниченное, редукционистское понимание синтеза как всего лишь проверки или доказательства анализа. Синтез при этом ничего нового не производит, а лишь возвращает к той исходной языковой данности, от которой отправлялся анализ. Между тем задача философского синтеза, как я его понимаю, – это создание новых понятий, терминов, универсалий, идей, суждений, принципов, а также более объемных концептуальных единств: теорий, дисциплин, позиций, мировоззрений. Синтез расширяет горизонт философски мыслимого, философски чувствуемого, философски совершаемого, ибо философскими могут быть не только мысли, но и чувства, и действия, и образ жизни, если они обращены на мир в целом. [Эпштейн 2014]. Цель философии – не приспособление наших мыслей и чувств к наличному бытию, а их расширение за пределы наличного, конструктивная деятельность разума. И, соответственно, – преобразование самого бытия, возникновение у него новых свойств в тех сферах, какие изучаются философскими дисциплинами: онтологией, эпистемологией, аксиологией, логикой, этикой и т.д. Философский синтез требует анализа, но не сводится к нему, поскольку не возвращает нас к исходному концепту, а создает возможность новых концептов. Если анализ, по Расселу, ведет от известного к еще неизвестному, то синтез ведет от существующего к еще не существующему. Синтез – акт мышления, который становится событием бытия. Первичные элементы, до которых дошел анализ, становятся динамическими единицами мыслительного процесса, в котором выстраивается их новая «конкретная совместность», или *concrecence*, по терминологии Уайтхеда. В каждом моменте анализа заложена возможность нового синтеза. Где есть вычленимые элементы суждения, там возникает возможность иных суждений, иного сочетания элементов, а значит, и область новой мыслимости и вырази-мости. Синтез всегда добавляет к анализу то, что в нем не содержится.

В этом кратком изложении я не буду вдаваться в историю вопроса, хочу лишь подчеркнуть, что кантовское деление суждений на аналитические и синтетические чревато решительной критикой аналитической философии, которая злоупотребляет именно аналитическими суждениями, а тем самым и обрекает философию на тавтологизм, превращает мышление в цепь уточняющих, но равнозначных, синонимических преобразований, типа: «все тела протяженны». По И. Канту, «аналитические суждения высказывают в предикате только то, что уже мыслилось в понятии субъекта, хотя и не столь ясно и не с

равным сознанием» [Кант 1994, 18]. Синтез — это не повтор анализа в обратном порядке, от элементов к целому, это формирование нового целого на основе перестановки или замены элементов, что и составляет акт мысли. Даже если сузить предмет философии до языка, то ее задача — расширять существующий язык, синтезировать новые слова и понятия, лексические и концептуальные поля, вводить новые грамматические правила, увеличивать объем говоримого — а значит и мыслимого, чувствуемого и потенциально делаемого².

Проблематизация как переход от анализа к синтезу

Почему же переход от анализа к синтезу оказывается логически столь трудным, что аналитическая философия упирается в тупик самоцельного анализа и редко перерастает в синтетическую? Суть в том, что синтез — не прямое продолжение анализа, а *новорожденный* момент мышления, которое движется теперь в обратную сторону, от частей к целому. Ключевую роль в этом повороте играет логическая операция, которую можно назвать проблематизацией. Каждый элемент, выделяемый из исходного понятия, проблематизируется как один из возможных в ряду элементов, способных его замещать. Если анализ исходного понятия приводит к некоторому набору связанных элементов, логической синтагме, то у каждого из этих элементов есть еще и своя парадигма, набор его потенциальных замен. Проблематизируя каждый из аналитически вычлененных элементов, подставляя на его место другой элемент из той же парадигмы, мы вместо исходного понятия (суждения, правила) получаем новое, подчас неожиданное понятие (суждение, правило).

Приведем известный пример аналитического суждения, предложенный И. Кантом: «всякий холостяк — неженатый мужчина». Само понятие холостяка образуется сочетанием этих двух элементов: «неженатый» и «мужчина». Если просто заново их соединить, получаем исходное понятие: неженатый мужчина — это холостяк. Синтез ничего не добавляет к анализу, а только подтверждает его верность. Такова тавтологическая участь анализа и синтеза, которые не опосредуются проблематизацией.

Но попробуем задать вопрос: в каком смысле холостяк — «неженатый» (unmarried)? Не женат ли он по факту — или из принципа, потому что настроен против женитьбы, не желает связывать себя узами брака? Тогда уместнее было бы использовать другое причастие: «неженимый» (unmarriable). Так в лексической системе языка появляется новая словарная единица: *неженимый* — тот, кто по своему складу не женится, не создан для брака. Это определение людей не просто холостых, но не рассчитанных на семейную жизнь. Таков простейший пример синтеза, произведенного на основе анализа, когда один из его элементов, «неженатый», проблематизируется и дополняется альтернативным термином «неженимый». Оказывается, слово «холостяк» может иметь два разных значения, указывать на два разных холостяцких типа. Аналитическое суждение «всякий холостяк неженат» можно дополнить синтетическим: «некоторые холостяки неженимы». Соответственно, с этим новым словом-понятием, обогащающим наш ментальный лексикон, можно строить новые предложения. Например:

В «Идиоте» за князя спорят две прекрасные женщины, как будто не понимая, что он неженимый.

Точно так же, особенно в контексте современных гендерных подходов, можно подвергнуть проблематизации и другой элемент данного аналитического суждения: «мужчина». Здесь открывается новый простор для синтетического мышления, остро востребованного в этическом, психологическом, юридическом, политическом планах.

Как видим на этом примере, синтетические процедуры, возникающие на основе даже тривиального аналитического суждения, оказываются далеко не тривиальны и обогащают язык мышления. Но запускаются они только процедурой проблематизации, и это главный камень преткновения при переходе от философского анализа к синтезу. Проблема аналитической философии в том, что она недостаточна проблемна, не подвергает вопрошанию и сомнению те элементы, на которые разбивается понятие или суждение. Решить эту проблему можно только проблематизируя сам анализ как философский метод, предлагая ему альтернативу и показывая, что сама проблематизация и образует решающий момент перехода от анализа к синтезу.

Примеры философского синтеза: понятие, суждение, правило, дисциплина.

Приведем примеры такой тройной операции: *от анализа — через проблематизацию — к синтезу*. При этом мы рассмотрим синтез на четырех уровнях мышления: понятие — суждение — правило — дисциплина.

1. Синтез понятия: инфиниция

Аналитическая философия любит пользоваться четкими дефинициями, и «дефиниция» — один из основных ее терминов. С аналитической точки зрения, дефиниция состоит из определяемого и определяющего (*definiendum* и *definiens*), между которыми устанавливается отношение смысловой эквивалентности. Но что если эту эквивалентность не удастся установить в рамках законченного определения? Все ли понятия определимы? Может ли само определение включать момент самокритики, т.е. указывать на неопределимость данного понятия?

Проблематизируя подобным образом «дефиницию», мы приходим к новому, альтернативному понятию — *инфиниция*. Этот термин — сращение двух слов, *definition* (определение) и *infinity* (бесконечность), происходящих от одного латинского корня *finis*, конец, предел.

Дефиниция — определение того, что определимо.

Инфиниция — определение того, что неопределимо.

Инфиниция (*infinition*) — отсроченная дефиниция, которая демонстрирует множественность возможных определений предмета и, одновременно, недостаточность каждого из них и невозможность полного определения как такового. Инфинициями изобилуют писания Лао-цзы, Чжуан-цзы и других даосистских мыслителей; сочинения по апофатической теологии, в частности, трактаты Псевдо-Дионисия Ареопагита; работы Жака Деррида и других последователей деконструкции.

Примеры инфиниций:

«Дао производит полноту и пустоту, но не есть ни полнота, ни пустота; оно производит увядание и упадок, но не есть ни увядание, ни упадок. Оно производит корни и ветви, но не есть ни корень, ни ветвь...» (Лао-цзы).

«Причина всего, будучи выше всего, и не сущностна, и нежизненна, не бессловесна, не лишена ума и не есть тело... Она не единое и не единство, не божественность или благодать...» (Псевдо-Дионисий Ареопагит).

«Что не есть деконструкция? конечно, всё! Что есть деконструкция? конечно, ничто!» (Ж. Деррида. Письмо к японскому другу).

По сути, любая система мышления имеет в своем основании понятия, которые не могут быть определены в рамках данной системы, но используются для определения других, выводимых из них понятий. В каждой дисциплине есть свои инфинируемые понятия, например, *мудрость* — в философии, *душа* — в психологии, *слово* — в лингвистике... Таков пример философского синтеза: на основе существующего понятия дефиниции, путем анализа и проблематизации, т.е. критического рассмотрения его элементов, строится понятие «инфиниции».

2. Синтез суждения. *Глупость может осуществляться с благими намерениями. Благоглупость*

Суждение «глупость есть порок» может рассматриваться аналитически, в манере Джорджа Мура, одного из зачинателей английской лингвистической философии, как эквивалентное суждениям «я плохо отношусь к глупости» или «глупость вызывает у меня негативные эмоции». Синтетический подход к этому же суждению проблематизирует его как основу для иных, альтернативных, более информативных и «удивляющих» суждений. Всегда ли глупость — порок или в определенных ситуациях она может быть добродетелью? Если ум может служить орудием порока, то не может ли глупость служить орудием невинности? Если глупость используется как средство для достижения благих целей, может ли она считаться благом? Означает ли слово «благоглупость», сочиненное М.Е. Салтыковым-Щедриным, что за глупостью стоят благие намерения, которые не исполнились? Или что глупость, вопреки своей умственной несостоятельности, имела благие последствия?

Суждение «глупость есть порок», тривиальное как предмет анализа, может стать основой для синтеза далеко не тривиальных суждений и словообразований, таких как «благоподлость», отражающих горький, парадоксальный опыт нравственных злоключений человечества? Наша формализация операций языкового синтеза включает символ ÷, знак логической бифуркации, альтернативы, выдвигаемой из анализа данного суждения.

Исходное положение: глупость есть порок.

Глупость может быть пороком ÷ или, при определенных условиях, добродетелью.

Одно из условий добродетели – доброе, благое намерение.

Благое намерение может ÷ осуществляться или не осуществляться.

Глупость может делаться с благими намерениями, которые не осуществляются. Благоглупость.

Подлость может делаться с благими намерениями, которые не осуществляются. Благоподлость.

Благоподлость – подлость, совершенная с благими намерениями, принимаемая или выдаваемая за нечто благотворное, за важное, полезное дело; «подлость во спасение» (как бывает «ложь во спасение»). Такой иронией преступлений, совершенных с благими намерениями, полна и древняя, и новейшая история. Философский синтез позволяет осознать этот «выверт» истории и ввести новое понятие в этический и политический дискурс.

3. Синтез этического постулата. Алмазное правило

Еще один пример – синтез уже в более широком масштабе: не одного понятия или суждения, а целого правила. Хорошо известно *золотое правило* нравственности, которое независимо формулировалось Конфуцием, еврейским мудрецом Гиллелем и Иисусом в Нагорной проповеди: «*как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки*» (Мф. 7:12). Следует поставить себя на место кого-то другого. Ты подлежишь как объект тем же самым действиям, которые производишь как субъект.

Но всегда ли субъект и объект взаимозаменяемы – или следует признать их взаимную несводимость? Здесь вспоминается новозаветное учение о различии духовных даров: одному дается слово мудрости, другому – слово знания, этому – вера, тому – чудотворение, иному – разные языки... (1 Посл. к Коринфянам, 12: 4–11). Возможна ли этика, которая учитывала бы именно разность людей, вступающих в нравственное отношение? Очевидна необходимость другого правила, которое можно назвать *алмазным*, поскольку оно подчёркивает именно многогранную, как алмаз, индивидуальность, неповторимость человеческого дара. Приносит пользу наибольшему числу людей, но именно в том, в чем никто, кроме тебя, не может принести эту пользу. Делай для другого то, в чем он нуждается, но чего никто не может сделать лучше тебя.

Марина Цветаева говорила: «Я не паразит, потому что я работаю и ничего другого не хочу, кроме как работать: но – *свою* работу, не чужую». Дар индивидуален и вместе с тем ситуативен, это способность делать нечто уникальное здесь и сейчас. Безнравственно требовать от поэта или скрипача, чтобы он занялся чем-то более полезным, например, рубкой дров.

Алмазное правило регулирует соотношение между наибольшими способностями одних и наибольшими потребностями других. Причём чем *больше* потенциальных объектов и чем *меньше* потенциальных субъектов этического действия, тем более оно является этичным. «Поступай так, чтобы твои наибольшие способности служили наибольшим потребностям других». Таким образом, личный дар и призвание благодаря алмазному правилу входят в область нравственных отношений.

4. Синтез дисциплины. Хоррология

Есть такой предмет – «civilization studies», который преподается во многих университетах. Изучаются различные аспекты развития цивилизации: от истории и политики – до науки, техники, искусства. Но за последние десятилетия, особенно после террористических актов 2001 г. в Нью-Йорке, обнаружилось одно свойство цивилизации, которое раньше не так бросалось в глаза: ее хрупкость. Чем мощнее цивилизация, чем сложнее системы коммуникаций, тем уязвимее она становится. Об этом с горечью и

иронией писал еще Гете во второй части «Фауста». Фауст верит, что создает плотину и отгоняет море от берегов, чтобы на топком месте построить город для свободных людей; а Мефистофель, который осуществляет этот заветный план Фауста, стремится подогнать как можно больше людей к берегу для поглощения их морем. Эта скрытая мефистофелевская ирония проглядывает во всех благородных начинаниях Фаустов.

Поэтому исследования цивилизации необходимо дополнить дисциплиной о том, как она создает орудия собственного уничтожения. Я условно называю эту дисциплину «хоррологией», поскольку она описывает потенциальный ужас, который скрыт в самых мирных и благополучных творениях цивилизации. Чем выше небоскребы, чем мощнее самолеты — тем проще направить эти последние против первых и взаимным вычитанием уничтожить те и другие. Как показывают террористические акты 11 сентября 2001, не нужно изобретать специальное оружие против цивилизации — она сама создает оружие против себя. В том числе в виде компьютерных программ, которые легко перепрограммировать и создать полный хаос в коммуникационных системах.

Хоррология — это *теневая наука о цивилизации, это минус-история, минус-культурология, минус-политология*. Всё, что другие науки изучают как позитивные свойства и структурные признаки цивилизации, хоррология рассматривает как растущую возможность ее самодеструкции. Можно, например, говорить о хоррологии Интернета, акцентируя внимание на скорости распространения вирусов в компьютерных сетях. Или о хоррологии искусственного интеллекта, на много порядков превышающего ресурсы человеческого разума, а потому способного не только ментально подчинить, но и физически уничтожить его носителей. Чем выше цивилизация по уровню своих интеллектуально-технических достижений, тем больше опасности она представляет для самой себя. Если опасность загрязнения природы, исходящая от цивилизации, окрашивала вторую половину XX в., то XXI в. может пройти под знаком хоррора — угроз цивилизации самой себе. На смену экологии, как первоочередная забота, приходит хоррология — наука об ужасах цивилизации как системы ловушек и о человечестве как заложнике сотворенной им цивилизации.

Таков пример синтеза новой дисциплины из тех элементов, из которых складывается изучение цивилизации, — с учетом проблематизации этих элементов, возможности превращения их из плюса в минус, из созидательных в разрушительные.

Синтез как трансформация. Философия и техника в создании миров

Синтез новых понятий, суждений, правил, дисциплин — это лишь начальные ступени философского синтеза, его, так сказать, предметный уровень. Философия синтеза включает в себя по крайней мере три уровня: предметный, системный и практический. Первый уровень — это синтез тех концептуальных (логических, семантических, лингвистических) элементов, из которых складывается новый термин, концепт, правило, дисциплина. Второй — это метасинтез, сдвиг от конкретных, точечных интервенций и инноваций, типа нового термина, концепта, дисциплины, — к системному построению альтернативных картин мира, к синтезу целой системы новых концептов, методов и дисциплин. Этот уровень рассматривается в ряде моих работ, к которым, из-за ограниченного объема данной статьи, я отсылаю читателя (См. об этом: [Эпштейн 2001; Эпштейн 2009; Epstein 2012; Эпштейн 2016; Эпштейн 2017]). Третий уровень — трансформативный: синтез самой системы философского синтеза с теми практиками — техническими, культурными, художественными, коммуникативными, — которые определяют жизнь современного общества. Это выход за пределы собственно философского мышления к методам трансформации разных аспектов мира и создания новых, альтернативных миров.

Образовать новый концепт или дисциплину — систематизировать способы их порождения — и направить их к преобразованию определенных сфер бытия: такова тройственная задача философии синтеза, последовательность его ступеней. Философия должна определить для себя те способы вхождения в информационно-коммуникативную среду, которые присущи только ей, в отличие от политики, техники, искусства. Что нового философский синтез может дать современному обществу с

его научно-технической доминантой ускоренного развития? Обречена ли философия быть замкнутой в академической сфере преподавания-исследования? Или она, оставаясь философией и пользуясь методологией синтеза, способна мощно воздействовать на пути общественного развития, быть движущей силой цивилизации, каковой она была во времена Платона и Аристотеля, Канта и Гегеля?

В этом разделе я поясню, какой вижу призвание философии в XXI в., как она может сотрудничать с общественно-интеллектуальными движениями и передовыми науками и технологиями. Вектор движения философии, особенно четко обозначившийся после кантовского «коперниканского» переворота, — усиление практического разума, установка на пересоздание мира. Это выразилось в знаменитом афоризме К. Маркса: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его». Однако в марксовской формулировке заметна пугающая асимметрия: «различным образом» относится только к «объяснять», но не «изменять». Изменять мир единообразно, по одному шаблону — значит подвергать его риску разрушительных последствий, слишком хорошо известных XX в. Поэтому философия XXI в., наученная опытом воинствующего философского тоталитаризма, готова следовать призыву «изменять», лишь добавляя к нему «различным образом», т.е. действовать в разных направлениях, проектировать множественность альтернативных преобразующих практик.

Так, первая задача, которую должны решать создатели компьютерных игр, — задача метафизическая: каковы исходные параметры виртуального мира, в котором разворачивается действие, сколько в нем измерений, как соотносятся субъект и объект, причина и следствие, как течет время и разворачивается пространство, сколько действий, шагов, ударов отпущено игрокам по условиям их судьбы и что считается условием смерти? Как известно, философию отличает от других наук ее направленность на мироздание в целом. А Шопенгауэр восклицал: «Мир, мир, ослы! — вот проблема философии, мир и больше ничего!» [Schirmacher 1989, 25]. Любая компьютерная игра, любой виртуальный мирок содержат в себе свойства «мировости», которая и образует специфический предмет и заботу философии. Причем масштабы таких «миров» быстро разрастаются. Например, знаменитая «Second Life» («Вторая жизнь») — это трехмерный виртуальный мир, созданный в 2003 г., но уже пять лет спустя населенный пятнадцатью миллионами участников из 100 стран мира, точнее, их аватарами. На этой территории действуют свои законы, строятся дома, открываются бизнесы, обращаются свои денежные единицы (линдены, которые можно обменять на реальные доллары). Внутренний валовой продукт «Второй жизни» в одном только 2015 г. достиг полумиллиарда долларов (больше, чем в иных странах). Во «Второй жизни» открывают свои приходы и представительства различные религии (англиканская и унитарная церкви, ислам), заключаются брачные союзы, некоторые из которых потом переносятся в реальный мир. Речь идет не просто о новой трансконтинентальной и транснациональной территории, но об особом мироустройстве, которое целиком, в своих внутримировых основаниях, задается волей и деятельностью людей.

И конечно же, это альтернативное мироздание имеет свою онтологию и эпистемологию, свою логику, этику и эстетику, свои законы пространства и времени, случая и судьбы, — свою философскую матрицу, которая сознательно или бессознательно кладется в основу его технического построения и программного обеспечения. Всякий раз, когда речь о целом мире, в его описание неизбежно приходят философские категории, ибо их специфическое содержание — именно универсность универсума. Так, в рассказе Х.Л. Борхеса «Тлён, Укбар, Орбис Терциус» речь идет о тайном обществе, создавшем энциклопедию воображаемой планеты Тлён, где действуют «субъективно-идеалистические» законы, обратные нашим земным, например, вещи исчезают, как только о них забывают. Влияние этого общества становится повсеместным, и сама Земля постепенно превращается в Тлён, усваивает его воображаемую историю и язык. Для описания Тлёна Борхес пользуется философскими категориями и ссылается на мыслителей прошлого: «Юм заметил — и это непреложно, — что аргументы Беркли не допускают и тени возражения и не внушают и тени убежденности. Это суждение целиком истинно

применительно к нашей земле и целиком ложно применительно к Тлэну. Народы той планеты от природы идеалисты. Их язык и производные от языка – религия, литература, метафизика – предполагают исходный идеализм. Мир для них – не собрание предметов в пространстве, но пестрый ряд отдельных поступков...» [Борхес web]. Соответственно в языке Тлэна нет существительных, только глаголы, обозначающие процессы. Например, нет слова со значением «луна», но есть глагол, который можно было бы перевести «лунить» или «лунарить». «Луна поднялась над рекой» звучит примерно так: «вверх над постоянным течь залуноло». Для представления этого мира как целого Борхесу приходится прибегать к идеям Юма, Беркли и Спинозы, поскольку именно метафизические, логические, лингвистические универсалии позволяют наглядно представить различие таких миров, как Земля и Тлэн. То же самое относится и к любым мирам, в том числе компьютерным, виртуальным.

В некоторых американских университетах на кафедры и в лаборатории программирования приглашаются профессиональные историки для разработки тематических игр (например, игры по мотивам шекспировских пьес или Наполеоновских войн требуют консультации у специалистов по соответствующим эпохам). Но столь же насущным, по мере разрастания этих виртуальных миров, становится и участие философов – специалистов по универсалиям, по самым общим, всебытийным вопросам мироустройства. И, конечно, одним анализом здесь не обойтись. Чтобы оправдать учреждение иного мира, нужно проблематизировать существующий мир и предложить новый синтез его элементов.

Раньше техника занималась частностями, отвечала на конкретные житейские потребности – в пище, жилье, передвижении, в борьбе с врагами. Философия же занималась общими вопросами мироздания, которое она не в силах была изменить: сущностями, универсалиями, природой пространства и времени. Техника была утилитарной, а философия – спекулятивной. Теперь наступает пора их сближения: мощь техники распространяется на фундаментальные свойства мироздания, а философия получает возможность не умоглядно, но действительно определять и даже менять эти свойства. Техника конца XX и тем более XXI в. – это уже не орудийно-прикладная, а фундаментальная техника, которая благодаря углублению науки в микромир и макромир, в строение мозга, в законы генетики и информатики проникает в самые основы бытия и в перспективе может менять его начальные параметры или задавать параметры иным видам бытия. Это *онтотехника*, которой под силу создавать новую сенсорную среду и способы ее восприятия, новые виды организмов, искусственные формы разума. Тем самым техника уже не уходит от философии, а заново встречается с ней у самых корней бытия, у тех первоначал, которые всегда считались привилегией метафизики. Вырастает перспектива нового синтеза философии и техники – *технософия*, которая теоретически мыслит первоначала и практически учреждает их в альтернативных видах материи, жизни и разума.

Разумеется, аналитическая философия, занятая только анализом текстов, не готова к решению и даже постановке таких технософских задач. Напротив, философия синтеза может стать неотъемлемой частью той синтетической методологии науки, о которой еще в 1990-е говорил Кристофер Лэнгтон (Langton), основатель теории искусственной жизни, в связи с созданием *синтетической биологии*. «Наука, очевидно, достигла огромного прогресса, разламывая вещи и изучая их по кусочкам. Но эта методология обеспечила только ограниченное понимание явлений более высокого уровня... Можно преодолеть эти границы на путях синтетической методологии, которая по-новому соединяет базовые компоненты бытия...» [Horgan 1997, 199]. Философия сейчас тоже нуждается в синтетической методологии, которая позволила бы создавать онтологии виртуальных миров, метафизики иных видов бытия и сознания, закладывать основания альтернативных вселенных, т.е. принимать не просто активное, но фундирующее участие в становлении новейшей техносреды. Поворот от анализа к синтезу неминуем для философии, если она не хочет целиком превратиться в историю философии, в накопление и изучение философских архивов.

Раньше, когда в нашем распоряжении был один-единственный мир, философия по-прежнему была умоглядной, отвлеченной наукой. Когда же с развитием компьютерной

техники и физико-математическим обоснованием мультиверсума открывается возможность интеллектуально-практического построения других миров, философия переходит к делу, становится *сверхтехнологией первого дня творения*. Раньше философ говорил последнее слово о мире, подводил итог. Гегель любил повторять, что сова Минервы вылетает в сумерках. Но теперь философ может стать «жаворонком» или даже «петухом» мировых событий, возвещать рассвет, произносить первое слово о прежде никогда не бывшем. В XXI в. появляются, по крайней мере в научной перспективе, альтернативные виды разума и жизни: генная инженерия, клонирование, синтез бактериальной клетки, искусственный интеллект, киборги, виртуальные миры, нанотехнологии, трехмерные принтеры (в т.ч. биологические), изменение психики, расширение мозга, освоение дыр (туннелей) в пространстве и времени, квантовая телепортация... При этом философия, как наука о первоначалах, первосущностях, первопринципах, уже не спекулирует о том, что было в начале, а *сама закладывает эти начала*, определяет метафизические параметры инофизических, инобиологических, инотехнических, инопсихических миров. Философия не завершает историю, снимая в себе все противоречия высшего разума, а разворачивает те его возможности, которые еще не воплотились в истории, требуют построения альтернативных миров, умопостижимых, а затем и технически воплощаемых форм бытия.

Раньше философия главным образом состояла из споров о том, какая модель существующего мира истинна. Фалесовская, где первоначало мира – вода, или Гераклитова, где первоначало – огонь? Лейбницева, где мир состоит из множества самостоятельных монад, управляемых предустановленной гармонией; гегелевская, где история выступает как самореализация Абсолютной Идеи; шопенгауэровская, где миром правит слепая, внеязычная Воля; марксовская, где в основе истории лежат процессы материального производства и возникающие на их основе социально-экономические отношения? Но с развитием онтотехники и антропотехники никто и ничто не мешает умножать возможные миры, параллельно моделируя в них самые разные философские системы. Кому-то захочется жить и мыслить в фалесовском или гераклитовом мирах, кто-то предпочтет гегелевский, марксовский или ницшевский... Как заметил еще Станислав Лем в своей «Сумме технологии», конструктор-космогоник «...может реализовать миры, задуманные различными философскими системами... Он может сконструировать и мир Лейбница с его предустановленной гармонией» [Лем 2004, 449].

XX в. – век грандиозных физических экспериментов, XXI может стать лабораторией *метафизических экспериментов*, относящихся к свободной воле, к роли случая, к проблеме двойников и возможных миров. Физические эксперименты переходят в метафизические по мере того, как создаются условия для воспроизведения основных (ранее безусловных и неизменных) элементов бытия: «вторая жизнь» (и третья, и десятая...); синтез веществ и объектов с заданными свойствами на атомном уровне; модифицированный геном и новые типы организмов; альтернативная вселенная... Например, клонирование – это не просто биологический или генетический опыт, это эксперимент по вопросу о человеческой душе и ее отношении к телу, об идентичности или различии индивидов при наличии генетического тождества³.

Особенности нового этапа движения мысли уясняются из сравнения с теми итогами всемирно-исторического развития, которые отразились в гегелевской системе абсолютного идеализма. По Гегелю, философия завершает труды абсолютной идеи по саморазвитию и самопознанию через миры природы и истории (см.: [Гегель 1935, 512–513]). Перефразируя Гегеля, можно сказать: Теперешняя стадия философии характеризуется тем, что раскрываются ее возможности, выводящие за пределы природы и истории. Целью и устремлением философии является выход понятия за пределы действительности, утверждение новых форм бытия, прежде чем ими могут заняться ученые, инженеры, политики и другие практики позитивных дисциплин. Мировой дух испытал себя в формах познавательных отношений с действительным бытием и вышел в сферу мыслимо-возможного. Каждая форма будущности имеет в философии свой предваряющий способ осмысления и потенциации. Философия становится исходной точкой опытно-конструкторских работ по радикальному обновлению бытия и созданию новых

миров. Эта идея есть результат стараний духа стать для самого себя объективным, познать себя как первоначало существующего мира — с тем, чтобы в дальнейшем закладывать начала ранее не существовавших миров.

От множественных интерпретаций одного мира философия переходит к множественным инициациям разных миров. Философия стоит не в конце, а в начале новых идееносных видов материи и бытия — у истоков тех мыслимостей, которые не вмещаются в действительность и обнаруживают свою энергичность и потенциальность, конструктивный избыток и зародыш новых существований. Как инженер есть производитель механизмов, художник — картин, политик — государственных законов и реформ, так философ есть производитель наиболее универсальных форм мыслимого, включая мыслимые миры. Он призван познать разумное в действительности не для того, чтобы ее «оправдать», а чтобы найти *сверхдействительное в самом разуме* и призвать его к сотворению новых родов бытия.

Поэтому никак нельзя согласиться с пессимистическим утверждением Ричарда Рорти, что суждения философов о том, как сознание соотносится с мозгом или какое место ценности занимают в мире фактов, или как можно согласовать детерминизм и свободу воли, — не интересуют большинство современных интеллектуалов (см.: [Рорти 2004, 5, 6, 29]). Эти проблемы сейчас приобретают даже более практический смысл, чем когда-либо раньше, в силу грандиозного расширения возможностей науки и техники, подводящих к постановке метафизических вопросов. Недаром А. Эйнштейн отмечал, что «в настоящее время физик вынужден заниматься философскими проблемами в гораздо большей степени, чем это приходилось делать физикам предыдущих поколений» [Эйнштейн 1967, 248]. Именно потому, что физика, космология, биология, информатика, когнитивистика доходят до оснований мироздания, жизни, сознания, эти науки все больше философизируются изнутри. И если философы, включая представителей аналитической традиции, устранились от решения этих вопросов, то за них берутся ученые, такие как Дэвид Бом, Роджер Пенроуз, Стивен Хокинг, Джон Бэрроу, Пол Дэвис, Фрэнк Типлер, Рэй Курцвайл, Френсис Коллинз, Митию Каку, Макс Тегмарк, Ли Смолин, Андрей Линде... Но от этого сами вопросы не перестают быть глубоко философскими, подобными тем, над которыми билась мысль Пифагора, Платона, Декарта, Канта, Гегеля. Философские вопросы остаются и заостряются, просто в отсутствие интереса со стороны профессиональных философов они переходят в ведение физиков, математиков, биологов, кибернетиков, которые оказываются в большей степени наследниками великих метафизических традиций, чем сотрудники кафедр аналитической философии. Если философия хочет вернуться в центр интеллектуальной жизни, она не только должна стать философией синтеза, но и самой образовать синтез с большими техническими, информационными, биогенетическими практиками XXI в., закладывать концептуальные основы новых мирообразующих практик.

Примечания

¹ Если судить по Гуглу, то веб-страниц с выражением «analytic philosophy» примерно в 20 раз больше, чем «synthetic philosophy».

² В рамках данной статьи нет возможности хотя бы кратко очертить историю синтетического метода; по сути она совпадает с историей философии вообще, которая на каждом этапе своего развития устремлялась к синтезу новых понятий, идей, учений, систем. Наиболее сознательно подходили к синтетической задаче такие разные мыслители, как Ф. Ницше, Г. Спенсер, А. Бергсон, Н. Бердяев, Ж. Делез и Ф. Гваттари. В частности, сейчас как никогда актуально звучит призыв Ф. Ницше: «Философы догадываются только напоследок, что они не могут уже больше пользоваться готовыми понятиями, не могут только очищать и выяснять их, но должны сначала *создать, сотворить* их, установить их и убедить в них». [Ницше 2005, 236]. Философское творчество Жюль Делеза и Феликса Гваттари, в таких книгах, как «Тысяча плато» и «Что такое философия?», направлено именно на синтез новых концептов: «...Философия — дисциплина, состоящая в *творчестве* концептов... Чего стоит философ, если о нем можно сказать: он не создал ни одного концепта, он не создал сам своих концептов?» [Делез, Гваттари 1998, 14–15].

³ О роли психологии и этики в развитии современной техносферы см. главы «Опасения» и «Техномораль» [Эпштейн 2004, 155–163].

Борхес Х.Л. Глен, Укбар, Orbis tertius / Пер. В. Кулагина-Ярцева, СПб.: Северо-Запад, 1992 // <http://lib.ru/BORHES/kniga.txt> [Borges Jorge L. web (1940) Plön, Uqbar, Orbis Tertius (Russian translation)].

Гегель 1935 – *Гегель Г.В.Ф.* Лекции по истории философии // Гегель Г.В.Ф. Сочинения. В 14 т. Т. 11. М., Л.: Соцэкгиз, 1935 [Hegel, Georg W.F. Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie (Russian translation)].

Делез, Гваттари 1998 – *Делез Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия? / Пер. с фр. и послесл. С.Н. Зенкина. СПб.: Алетея, 1998. [Deleuze, Gilles, Guattari, Felix *Qu'est-ce que la philosophie?* (Russian Translation)].

Кант 1994 – *Кант И.* Прологомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Кант И. Сочинения. В 8 т. Т. 4. М.: Чоро, 1994. С. 5–152. [Kant, Immanuel *Prolegomena zu einer jeden künftigen Metaphysik, die als Wissenschaft wird auftreten können* (Russian translation)].

Лем 2004 – *Лем С.* Сумма технологии. М., СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2004. [Lem, Stanislaw *Summa Technologiae* (Russian translation)].

Ницше 2005 – *Ницше Ф.* Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. Кн. 2, III. М.: Культурная революция, 2005. [Nietzsche, Friedrich *Wille zur Macht. Versuch einer Umwertung aller Werte* (Russian translation)].

Рорти 2004 – *Рорти Р.* Универсализм, романтизм, гуманизм. М.: РГГУ, 2004. [Rorty, Richard *Universalism, Romanticism, and Humanism* (Russian translation)].

Эйнштейн 1967 – *Эйнштейн А.* Замечания о теории познания Бертрانا Рассела // Эйнштейн А. Собрание научных трудов. В 4 т. Т. 4. М.: Наука, 1967. С. 248–252. [Einstein, Albert *Remarks on Bertrand Russell's theory of Knowledge* (Russian translation)].

Horgan, John (1997) *The End of Science: Facing the Limits of Knowledge in the Twilight of the Scientific Age* Broadway Books, New York.

Russell, Bertrand (2010) *The Philosophy of Logical Atomism*, Routledge, London, New York.

Schirmacher, Wolfgang (1988) *Schopenhauer Aktualität: Ein Philosoph wird neu gelesen*, Passagen, Wien.

Ссылки – References in Russian

Эпштейн 2001 – *Эпштейн М.Н.* Философия возможного. СПб.: Алетея, 2001.

Эпштейн 2004 – *Эпштейн М.Н.* Знак пробела. О будущем гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2004.

Эпштейн 2009 – *Эпштейн М.Н.* Личный код: индивиды и универсалии в гуманитарных науках // Философские науки. 2009. № 10. С. 10–29.

Эпштейн 2014 – *Эпштейн М.Н.* О философских чувствах и действиях. // Вопросы философии. 2014. № 7. С. 167–174.

Эпштейн 2016 – *Эпштейн М.Н.* От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир. М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016.

Эпштейн 2017 – *Эпштейн М.Н.* Проективный словарь гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2017.

References

Epstein, Mikhail (2001) *The Philosophy of the Possible*, Aleteia, Saint-Petersburg (In Russian).

Epstein, Mikhail (2004) *Mapping Blank Spaces: On the Future of the Humanities*, Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow (In Russian).

Epstein, Mikhail (2009) 'Personal code: individuals and universals in the humanities', *Filosofskie nauki*, 2009, 10, pp. 10–29 (In Russian).

Epstein, Mikhail (2012) *The Transformative Humanities: A Manifesto*, Bloomsbury Academic, New York, London.

Epstein, Mikhail (2014) 'On Philosophical Feelings and Actions'. *Voprosy filosofii*, Vol. 7 (2014), pp. 167–174 (In Russian).

Epstein, Mikhail (2016) *From Knowledge to Creativity: How the Humanities Can Change the World*, Tsentr humanitarnykh initsiativ, Moscow, Saint-Petersburg (In Russian).

Epstein, Mikhail (2017) *The Projective Dictionary of the Humanities*, Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow (In Russian).

Сведения об авторе

ЭПШТЕЙН Михаил Наумович –
Профессор теории культуры и русской
литературы.

Author's information

EPSTEIN Mikhail N. –
Professor of Cultural Theory and Russian
Literature.